

Умом Россию не понять

С.Г. КОРДОНСКИЙ, кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой местного самоуправления Департамента государственного и муниципального управления Факультета социальных наук, заведующий Проектно-учебной лабораторией муниципального управления НИУ «Высшая школа экономики»,

О.А. МОЛЯРЕНКО, кандидат социологических наук, преподаватель кафедры местного самоуправления Департамента государственного и муниципального управления Факультета социальных наук НИУ «Высшая школа экономики», Москва

В интервью одного из авторов теории административного рынка профессора С.Г. Кордонского и кандидата социологических наук О.А. Моляренко поднимаются вопросы эффективности государственного управления в России, взаимоотношений общества и власти, страны и государства. Эксперты делятся личными наблюдениями за жизнью российской глубинки, работой властных структур (С.Г. Кордонский в течение пяти лет работал в Администрации Президента РФ, О.А. Моляренко длительное время посвятила полевым социологическим исследованиям сельских поселений в разных регионах России) и делают вывод, что государство, власть как институт и страна как общество находятся в параллельных реальностях. В беседе были также затронуты проблемы имитационной деятельности демократических институтов в сословном обществе и неэффективности заимствованной на Западе системы образования.

Ключевые слова: сословия, рынок, классовое общество, сословное общество, сословная рента, статистические искажения, государственное управление, теневая экономика, репрессии

«ЭКО» уже не первый раз обращается к теме эффективности (вернее, удручающей неэффективности) государственного управления в России. Одно из возможных объяснений хронических неудач с привитием на российскую почву западных стандартов управления и организации социально-экономических отношений предлагает теория административного рынка. Сегодня в гостях у «ЭКО» один из ее авторов, ординарный профессор НИУ «Высшая школа экономики», в 2000–2004 гг. возглавлявший экспертную группу при Администрации Президента РФ, С.Г. Кордонский и кандидат социологических наук преподаватель кафедры местного самоуправления НИУ ВШЭ О.А. Моляренко.

О классах и сословиях

– Симон Гдальевич, согласно вашей теории, западные подходы в нашей стране неприменимы в принципе, потому что сама структура общества разная. У них классы, у нас – сословия, у них рынок и капитал, у нас – рента и ресурсы. Можно ли сказать, какая структура более прогрессивная, современная? Мы привыкли считать, что сословия – это что-то почти феодальное, докапиталистическое...

– Я бы не ставил так вопрос. Вы привыкли рассуждать по Марксу: общественные формации сменяют одна другую – от первобытного строя через феодализм к капитализму, социализму и т.д. В его теории это работает. В нашей концепции структуру общества определяют механизмы согласования интересов между его основными группами и властью. В любом обществе существует неравенство. Кто-то больной, кто-то здоровый, кто-то умный, кто-то не очень, кто-то богатый, кто-то бедный. В зависимости от того, как мы выравниваем их взаимоотношения, достигая социальной справедливости, получаем разные модели государственного устройства.

В классовом обществе реализуется уравнительная справедливость – есть равенство всех перед законом при неравенстве по доходам. Имущественное неравенство порождает классовое расслоение. Для того чтобы можно было договариваться, появляются политики, которые выражают интересы своих классов, парламент, в котором они вырабатывают законы, судебная система, которая обеспечивает выполнение этих законов. В идеале такое общество движется к тому, что мы привыкли называть капитализмом. Лучший инструмент развития такого общества – демократия.

Но существует и совершенно другой принцип распределения – «по справедливости». Здесь не члены общества, не отдельные классы между собой договариваются, а некто «сверху» (неважно – монарх, президент, кабинет министров – в целом «власть» или «государство») принимает на себя роль арбитра и решает, кому сколько положено. А чтобы проще было распределять, все население делится на группы (сословия). Они могут быть какими угодно – имущественными, профессиональными, конфессиональными, этническими, возрастными... Главный принцип – их место в системе и размер их доли общественного ресурса определяются «сверху». В этой системе инструменты классового общества – демократия, парламент, независимый суд – оказываются лишними, государство берет их функции на себя. Конечная цель такого состояния есть социализм. Хотя, безусловно, все феодальные общества тоже строились и строятся по этому принципу.

– Но многие феодальные общества потом перешли к капитализму. А современные сословные государства куда идут? Например, бывшие страны соцлагеря – они же не так долго

пробыли в социализме, они потом вернулись к общеевропейской классовой парадигме?

С.К. – Нет. На мой взгляд, из всех постсоциалистических стран это удалось только Чехии и отчасти Польше. Как – не знаю. Тут многое зависит от того, где формируется власть – в классовой либо в сословной структуре. Остальные из этих стран, как и Россия, приняли только внешнюю оболочку демократии, но принципы организации социальной жизни остались прежними, разве что сословные группы теперь другие. Например, в Прибалтике четко выражен национальный принцип, у нас это могут быть «бюджетники» или «силовики». В смысле развития общественных отношений сословные общества никуда не идут, а движутся по кругу. Скажу больше: в последние годы в демократических рыночных странах появились отдельные сословные группы, которые государство выделяет из общей массы путем каких-то привилегий. Это могут быть сексуальные, национальные меньшинства, какие-то профессиональные группы. Например, европейские фермеры объединились как сословие. Сначала оно было создано «сверху», получив очень существенные льготы, потом они самоорганизовались «снизу» и сейчас определяют сельскохозяйственную политику.

– Можно ли из этого сделать вывод, что в определенном смысле сословные отношения оказываются эффективнее и предпочтительнее рыночных?

С.К. – Во-первых, всегда будут существовать группы людей, для которых такие отношения предпочтительны, как и наоборот. Во-вторых, нужно понимать, что идеального сословного или рыночного общества не существует. Практически в каждой стране есть элементы и того, и другого – хотя бы внутри отдельных сообществ. Скажем, наши корпорации, будучи абсолютно сословными формированиями внутри страны, на внешних рынках действуют как рыночные структуры. И наоборот, западные корпорации внутри себя выстраивают сословные отношения. Внутри отдельных сословий может существовать классовое расслоение: среди тех же врачей, учителей, военных есть бедные и богатые, привилегированные и не очень. Но если говорить на уровне отдельных стран, определяющей для них является позиция власти. Если власть находится в классовой структуре, действует рыночными методами, придерживается политических договоренностей,

структура общества в целом остается классовой. В России при всей рыночной риторике структура остается сословной, методы управления – административными, а отношения – договорными: не «по закону», а «по понятиям». Каждый раз заново по любому поводу.

– *Вы говорите, что одна из отличительных черт сословий – то, что они назначаются «сверху». Но, например, политические партии, разного рода предпринимательские объединения (РСПП, «Деловая Россия»), – это же элементы рыночной структуры. Как они вписываются в структуру сословного общества?*

С.К. – Это только оболочка, видимость. Они же на самом деле созданы властью, чтобы проще было договариваться. Те же предпринимательские объединения – это аналоги купеческих гильдий: РСПП – купцы первой гильдии, «Деловая Россия» – второй, «ОПОРа России» – третьей. И они действуют абсолютно в логике сословного общества – когда им кажется, что их притесняют, – жалуются Президенту. А что он им отвечает в ответ на эти жалобы? – «Не пишите друг на друга». Я сам это слышал... Я знаю лишь один случай самоорганизации бизнеса в России – в Ульяновске мебельщики организовали цех, легализовали его в отношениях с губернатором, и там сейчас схема сбора ренты с мебельщиков очень хорошо налажена. Никаких конфликтов с контролирующими органами. Больше я о таких цехах не слышал.

– *Согласно вашей концепции, в сословном обществе о каком-то прогрессе, развитии нельзя говорить. Но ведь страну то и дело лихорадит, причем не всегда это вызвано внешними причинами. То революции, то перевороты, то кризисы. Чем они объясняются?*

С.К. – Это циклические вещи. Сословия – это не что-то раз и навсегда застывшее. Они меняются, конкурируют за доступ к ресурсам¹. Пока ресурсов достаточно, и власть может более-менее удовлетворить все запросы, всё хорошо. Как только возникает дефицит распределяемых ресурсов, сословия начинают

¹ В теории административного рынка ресурсы понимаются как возможности, которые совсем не обязательно станут реальностью, в отличие от капитала. Последний представляет собой ресурс, реализовавшийся в процессе возрастания стоимости на рынке. Ресурсное богатство меряется натурой. В имперской дореформенной России основными ресурсами были земля и крепостные, в СССР – принудительный труд, энергетика и природное сырье... (см.: Кордонский С. Ресурсное государство: реконструкция прошлого. URL: <http://www.liberal.ru/articles/1290>).

бороться за их передел. В нашей истории таких масштабных переделов было несколько. Это, конечно, петровские реформы, когда архаичная местечковая структура России была переформатирована в сословную структуру с табелем о рангах. Второй передел – 1917-го года. Тогда имперская сословная структура рухнула под давлением огромной массы деклассированных элементов, накопившихся после реформы 1861 г. Вот тогда, кстати, в России началось классическое классовое расслоение: появились богатые и бедные. Но коммунисты ликвидировали это расслоение и создали новую сословную структуру из рабочих, крестьян и служащих. При этом остатки старых сословий (и даже некоторые новые – например, «старые большевики») были физически уничтожены в репрессиях 1928–1938 гг...

Следующий передел был в 1991 г., когда советские сословия исчезли вместе с руководящей ролью партии. Снова началось социальное расслоение, в ходе которого появились новые богатые («новые русские») и новые бедные: учителя, врачи, военные, ученые и т.д. Они стали давить на государство с целью навести порядок, обеспечить приток ресурсов. Наведение порядка началось с 2001 г., когда власть ограничила рынок и начала изымать ресурсы у богатых в пользу бедных.

Но формирование новой сословной структуры современной России еще не закончено. В имперской, советской структурах была самоидентификация – каждый себя идентифицировал с определенным сословием, и сословные границы были довольно четкими. Когда есть соответствие внешней и внутренней идентификации, возникает общность, внутри нее вырабатываются свои нормы, появляются сословные собрания, суды чести и т.п. Возникают всем понятные сословные лифты. Например, в СССР было понятно, как делать карьеру: вступил в комсомол, потом в партию, поступил в вуз, попал в партком вуза, оттуда в райком, потом на хозяйственную работу. А дальше как повезет: либо в партийную иерархию, либо в контрольную – в прокуратуру, комитет народного контроля. По этой лесенке можно было забраться на самый верх. И на каждой ступени были понятные, устоявшиеся правила игры, неписанные нормы. Но если самоидентификации нет, то и саморегулирующие механизмы не появляются.

– *А они нужны?*

С.К. – Нужны. Они сильно облегчают жизнь, упорядочивая взаимоотношения. Человеку вообще важно чувствовать свою общность с другими людьми. Не случайно сейчас так популярны соцсети, а в соцсетях – разные «группы подписантов». Эти за Крым, те – за Украину и т.д. Это тоже механизм самоидентификации.

О стране и государстве

– Насколько активную роль в процессе становления новой сословной структуры в России играет государство? Такое впечатление, что «наверху» не очень понимают, что в стране происходит, где уж тут управлять процессом...

С.К. – Действительно, это один из парадоксов нашей страны. Государство, власть как институт и страна как общество находятся как бы в параллельных реальностях. С точки зрения власти, существуют некие группы, которые она сама же и создала. Они находятся в определенных отношениях друг с другом, и действуя монетарными или репрессивными механизмами, можно управлять этими отношениями, обеспечивая тем самым прогресс. Если смотреть на эту систему «сверху», так она и выглядит. Но если посмотреть «снизу», окажется, что единой системы не существует, она распадается на множество отдельных элементов, каждый из которых действует независимо друг от друга, и с каждым нужно выстраивать свои отношения. Одно дело закон, который «для всех один», другое дело – конкретный полицейский, с которым всегда можно договориться; но эти договоренности достигаются уже не по закону, а «по понятиям». Одно дело – предприятие, корпорация как юрлицо, другое дело – технологический процесс, в котором существенные технологические операции оказываются выведены «в гаражи»; но эту «нижнюю реальность», которая дает существенную часть дохода, в отчетности корпорации вычленить невозможно. В сельском хозяйстве «сверху» кажется, что агрохолдинги всех вытесняют, а снизу – каждый руководитель конкретного подразделения находится в специфических отношениях – экономических, политических и т.д. – с местным населением, фермерами, властями, и эти отношения «сверху» не видны. Их вообще трудно как-то систематизировать².

² Об этом феномене говорится, в частности, в статье О. П. Фадеевой и В. И. Нефёдкина «Вертикали и горизонталы сельского Татарстана» в этом же номере.

– *Ольга Андреевна, в своем докладе на чтениях памяти Т.И. Заславской вы сказали, что те статистические показатели, на которые государство опирается в своих решениях, не соответствуют реальности...*

О.М. – Реальность просто не попадает в отчетность. Чем дальше «от земли», тем сильнее искажается восприятие реальности. Мы попытались проанализировать, что ведет к этому искажению, и выделили три основных блока ошибок. Первый блок связан с тем, что любая система учета как таковая неизбежно означает упрощение и уплощение реальной картины мира. Любой учет фиксирует лишь более-менее однородные и необходимые для управленческих нужд характеристики объектов или процессов. Их специфика, уникальные особенности, которые очень часто и определяют их реальное место в жизни, как правило, остаются незамеченными.

Второй блок связан с тем, что даже избирательные показатели собираются с рядом методических и технологических отклонений и ошибок. Потому что не хватает ресурсов, потому что непосредственные исполнители часто стремятся оптимизировать свою работу (условно, опрашивают тех респондентов, до которых проще дойти, а не тех, кто соответствует выборке, часть ответов, на которые респонденты отказались отвечать, «додумывают» сами и т.д.). Масса случайных искажений возникает в связи с оптимизацией органов власти и федеральных ведомств³.

И третий блок – это намеренные манипуляции статистическими данными, которые неизбежно возникают, когда статистику начинают использовать для оценки эффективности деятельности тех или иных органов или для расчета финансирования. Взять хотя бы криминальную статистику. Она полностью формируется внутри правоохранительной системы и одновременно служит главным критерием оценки ее деятельности. Судить по ней о реальном состоянии преступности в стране по меньшей мере наивно. Или частное строительство. Согласно исследованию грантополучателей фонда «Хамовники», огромная часть вводимого малоэтажного жилья регистрируется до четырех раз: по одной форме – как индивидуальное жилищное строительство,

³ См. статью О.А. Моляренко «Изоляция власти от населения в сельской местности: причины и последствия» в этом же номере «ЭКО».

по другой – как многоквартирное жилье, отдельно учитываются введенные метры при регистрации права собственности и при вводе дома в эксплуатацию. Но даже несмотря на четырехкратный учет, во многих регионах в 2014–2016 гг. объем жилищного строительства не дотянул до уровня 1989 г....

Аналогично – статистически, а не фактически – происходит исполнение Майских указов Президента. Средние зарплаты формально растут за счёт увеличения нагрузки на ставку и сокращения сотрудников, перевода надбавок в оклад и иных манипуляций с показателями. Примеров очень много – проблема давно уже приняла системный характер.

Безусловно, власти интуитивно осознают, что прозрачности не хватает. Не случайно вводятся всё новые и новые формы отчетности, растет поток разнообразных запросов и требований. Исполнителей еще сильнее заваливают работой, но общая картина от этого не проясняется, а только обрастает новыми деталями, которые некому осмыслить и систематизировать. Но одновременно складывается ощущение, что некоторые высокие чиновники все чаще и чаще путают «картинку» с реальностью, и тогда появляются заявления типа: «Если студентам не хватает мест в общежитии, пусть они купят себе квартиру». Похоже, эти люди действительно так думают. Страшно, что таких заявлений и таких людей во власти становится все больше.

– Симон Гдальевич, вы же работали в Администрации Президента. Вас туда пригласили как опытного социолога, профессионала в своем деле, и с вами работали другие профессионалы, которые, наверное, еще не успели «оторваться от жизни»...

С.К. – Все не так. Во-первых, та функция, которую я там выполнял, не имела никакого отношения к моей предыдущей работе и к социологии вообще. Я занимался обеспечением публичной деятельности Президента и курировал образование, здравоохранение и науку. То есть на своей должности я не был профессионалом или экспертом, как и все мое окружение. У меня в управлении было 42 человека. Из них половина – это бывшие высокопоставленные милиционеры или разведчики (ГРУ), а другая половина – чиновники прежних аппаратов. Например, наша секретарь работала секретарем еще в Верховном совете СССР. Она, конечно, профессионал в области документооборота, но принятия каких-то решений от нее не требовалось.

Во-вторых, когда я согласился на эту работу, у меня действительно были профессиональные интересы. Я хотел получить доступ к информации, думал, что там ее целые кладези. Но оказалось, что все это работает совсем по-другому. На деле у меня есть компьютер внутренней сети, по нему идет сводка (в основном «Интерфакс», ТАСС плюс еще какие-то внутренние сведения). Кроме того, ежедневно в 9 утра на столе появляется обзор, который готовит пресс-служба, копируя наиболее интересные, по ее мнению, статьи, которые необходимо довести до сведения сотрудников аппарата. Есть телевизор. Там важно, не что показывают, а в каком порядке, и кто эти новости озвучивает. И есть помощник – начальник аппарата (генерал, между прочим), который приходит на работу раньше меня, обменивается сплетнями с другими начальниками аппаратов и потом докладывает мне, что происходит во власти, с их точки зрения. И последнее – это список поручений от вышестоящих инстанций. Настоящий аппаратчик отличается от примитивного, вроде меня, тем, что понимает, какие поручения нужно сразу исполнять, какие отложить, а какие можно не делать вообще. На деле это никак не формализовано и должно ощущаться на уровне чутья. Все это вместе обеспечивает информационный фон. Совершенно не важно, что на самом деле происходит в стране. Информация рождается в стенах Кремля и там же реализуется.

Скажем, надо писать для Президента речь об экономике, значит, нужны цифры по инфляции. Мне приходят бумаги из ЦБ, Минфина, Минэкономразвития, Росстата – всего четыре источника. Цифры у всех разные, причем различаются не на доли, а на единицы процентов. И вот собирается совещание представителей ведомств, на котором принимается коллегиальное решение, что инфляция у нас в этом году будет такая-то...

О.М. – Надо иметь в виду, что у большинства ведомств, включая Росстат, в методологии не зафиксирован продукт, цены на который нужно измерять при определении стоимости потребительской корзины. Просто названы, скажем, «изделия хлебобулочные из пшеничной муки». Если надо показать, что инфляции нет, можно взять батон подешевле, и наоборот. Просто меняя конкретный продукт в корзине, вы делаете ту цифру, которая вам нужна.

С.К. – Но это все решается не «наверху», а на уровне рядовых исполнителей, на уровне аппаратного чутья – какую инфляцию можно показать и для кого.

– *А ведомства не могут между собой договориться о методике, чтобы избежать разночтений?*

О.М. – Нет. У нас очень серьезные информационные межведомственные барьеры. В 2006–2007 гг. был принят пакет законов о защите, конфиденциальности, персональности информации, и теперь обмен данными по конкретным единицам наблюдения запрещен. Ведомства могут делиться друг с другом только обобщенными данными, которые непонятно как считаются. Сопоставимость методик, выборки нужно сверять отдельно, но это очень трудно, и никто этим не занимается. Более того, ведомства часто конкурируют друг с другом за «правильность» цифр. Например, экономические показатели Налоговой инспекции и Росстата часто «не бьются» в два-три раза, но им даже в голову не приходит разобраться, почему это происходит, и как-то синхронизировать методики. В результате случаются любопытные казусы. Мне в десятке регионов рассказывали о случаях, когда региональные власти, посмотрев весьма оптимистичные данные Росстата (которые собираются по выборочным наблюдениям) о росте доходов населения, начинали требовать с ФНС увеличения поступлений по НДФЛ. Но ФНС по сплошной генеральной совокупности никакого роста доходов не фиксирует, и откуда Росстат взял свои цифры, не понимает. Точно так же не совпадают данные Росстата о количестве жителей с теми данными, которые собирают главы сельских поселений (а там, как правило, всё ещё знают большинство своих жителей лично). Расхождение доходит порой до 15%. Но самое интересное, что на региональном уровне и выше этих несовпадений никто практически не замечает – они проходят по разным документам и по разным каналам отчетности. Я специально спрашивала во многих регионах, сравниваются ли данные текущего учета по хозяйственным книгам и итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи? Нигде, ни разу! А раз так, то и проблем, вроде бы, нет. Каждое ведомство продолжает спокойно оперировать своими цифрами, считая, что они и есть самые верные.

– *То есть получается, процесс абсолютно неуправляем... Страна живет сама по себе, государство в лице собственных*

органов – само по себе... На Ваш взгляд, можно ли в этом хаосе каким-то образом определить направление развития общества?

С.К. – Здесь понятие развития неприменимо. Страна выживает, а государство пытается это выживание превратить в какое-то развитие. Но это у него плохо получается, потому что усилия направлены не туда, куда надо, решения принимаются ситуативно.

О.М. – Объективно государство (в лице органов власти) стремится к большей упорядоченности и прозрачности, потому что управлять так проще. Но все его усилия приводят к обратному результату. Мне нравится, как Л. Е. Бляхер это называет – Государство-мОрок. У нас есть некие имитационные институты, вроде демократии, парламента, чтобы показывать другим странам, что мы «свои» и можем на равных участвовать в выработке решений на мировой арене, иметь международные взаимодействия. Но это внешняя оболочка, вроде плаща-невидимки, а внутри – как было всё самостийно, так и остается.

О способах защиты от государства

– Но сам-то объект управления как-то меняется под воздействием власти?

С.К. – Естественно. Власть всегда хочет залезть народу в карман, а тот защищается – зашивает одни карманы, создает другие. В социальном смысле – во взаимоотношениях с государством – страна у нас самая инновационная в мире. Все вынуждены крутиться, изобретать способы ухода и защиты от государства. И здесь творчество народа фантастически богато и интересно. Например, по подсчетам РАНХиГС, в России 33 млн самозанятых. Это более 44,8% трудоспособного населения, а если считать семьями – то три четверти домохозяйств. Практически вся эта занятость – теневая. Причем, иногда люди работают на очень высоком технологическом уровне. В Москве есть район под названием «Шанхай», там в гаражах помимо прочего производятся запчасти для импортной автотехники. На советских координатно-расточных станках (конечно, списанных) ставят китайские асинхронные двигатели, вся «математика» наша, поскольку рядом МГУ. Детали получаются настолько качественные, что зачастую идут как импортные. И таких гаражей там тысяч пять...

О.М. – Но нужно понимать, что это именно ремесло, а не технология, поскольку всё это производится в штучном виде.

С.К. – Отдельные элементы высоких технологий выносятся в ремесло, в промысел. И это происходит повсеместно, по всей стране. Есть даже включенность в глобальные цепочки. Например, по производству синтетических наркотиков. Рецепт наша, производство – Китай.

О.М. – Максимально диверсифицируются источники дохода и сословная принадлежность домохозяйств. Например, очень распространена ситуация, когда один член семьи – предприниматель (неважно, в официальной или теневой среде), другой – муниципальный чиновник или госслужащий.

С.К. – Были мы в одной из поездок в администрации города Урюпинска. В ней 28 человек, из них 26 – женщины. Разумные, хорошие. Сделали прекрасный бренд «Урюпинск», с которого живет весь город. Мужья у всех предприниматели, которые выжили в 1990-е годы. Как – непонятно, следов серьезного бизнеса мы там не увидели. Но по уровню жизни, по ценам в общепите ясно, что деньги у людей есть. И вот это семейное единство «власть и промысел» обеспечивает стабильность.

– Но это всё примеры из городской жизни, а деревни безлюдуют.

С.К. – Это видимое безлюдье. Мы возили студентов в Медведево Костромской области. Там живут сотни две человек, но никого не видно, потому что люди заняты делом. Одни в лесу – охотятся, делают заготовки, другие уехали за покупками. Люди все время чем-то заняты...

– Но как же? Ежегодно десятки деревень вычеркивают из перечня населенных пунктов, потому что там никто не живет.

С.К. – Это немного другой процесс. Формируется новая система расселения, которая не совпадает с административно-территориальным делением. Люди стягиваются к большим городам, к райцентрам, к трассам. Страна, с одной стороны, опустынивается, с другой – происходит новая, вторичная урбанизация, которая не фиксируется официальными органами.

О.М. – В то же время те населенные пункты, которые официально пусты и безжизненны, на деле вполне могут оказаться сезонно обитаемыми. Летом городское население часто переезжает за город, просто это нигде не регистрируется. Раньше сезонную

активность населения можно было отследить через систему регистрации (снимая на лето дачу, надо было обязательно отметить в сельсовете), потом был период, когда многие горожане, уезжая надолго из городской квартиры, писали заявление в ЖЭУ, чтобы им снизили коммунальные платежи. После введения индивидуальных счетчиков такая необходимость отпала, и сезонная подвижность населения выпала из поля зрения власти.

С.К. – Но в целом село и город постепенно становятся одним селитебным пространством, их все труднее разделить. Дачники могут жить в сельском доме по 6–7 месяцев. У многих из них есть огороды, они покупают продукцию в местных магазинах, кто-то может работать на удаленном доступе или ездить каждый день в офис. Кто они? «Городские» или «сельские»? А сейчас еще фиксируют появление «рабочих изб». «Гаражные» умельцы бросают или продают городские квартиры, гаражи, ставят где-нибудь в пригороде или на селе коттеджи с теплыми флигелями или пристройками и переносят туда свое ремесленное производство.

О.М. – В СССР формой стабильности существования был распределенный образ жизни. У вас были квартира, дача, гараж, огород, и вы диверсифицировали деятельность – здесь была работа, здесь вы жили, здесь выращивали овощи. А сейчас наметился процесс собирания всего этого распределенного существования на одной территории. Косвенно это можно связать с ухудшением государственного контроля. Руки у государства становятся короче, не так страшно соединить всё в одном месте.

О науке и образовании

– *Понятно, что государство теневую экономику не видит. А ученые? Периодически мы видим оценки экспертов о масштабах теневой экономики, значит, этот феномен поддается научному исследованию?*

С.К. – Я думаю, в целом – нет, хотя отдельные (и очень интересные) попытки существуют – исследования тех же промслов, «гаражной экономики». И дело не в том, что реальность постоянно меняется, подстраиваясь под новые инициативы власти, и не в том, что «теневики» неохотно рассказывают о себе. Большинство наших социологов привыкли работать как фарисей-книжники. Начитались переводных работ, поучились на Западе и ищут здесь что-нибудь похожее.

О.М. – Они пытаются наложить на нашу реальность ту сетку, которая создавалась под другую действительность. Где-то, возможно, и получится совпадение, но в целом наша реальность не может быть описана таким путем.

– Т.И. Заславская как-то пыталась перевернуть эту ситуацию – в полевых исследованиях изучала именно реальность, порой получая неожиданные результаты. В нынешних условиях это возможно? При изменении подходов, методов исследования?

С.К. – Думаю, нет. Не забывайте, что тогда существовала жесткая социальная структура – рабочие, крестьяне, служащие, была иерархия поселений. Татьяна Ивановна исследовала очень упорядоченную реальность, и сделала для этого очень много. Но эта реальность исчезла в 1991 г.

– Многие возлагают надежды на молодое образованное поколение. Академик А. Г. Аганбегян не устает повторять, что по уровню образования населения наша страна занимает очень неплохие позиции в мире...

О.М. – Вопрос в том, в какой картине мира они образованны. Ведь бóльшая часть содержательного социально-экономического образования заимствована нами на Западе и готовит будущих специалистов к условиям идеального рынка, совершенной конкуренции и т.д., а у нас совсем другая социальная укорененность. Соответственно, и сама страна, и происходящие в ней процессы для молодежи так же непрозрачны, как для руководящей элиты. И, кстати, на муниципальной и госслужбе существуют огромные кадровые проблемы. Если старые советские управленцы, наблюдавшие весь период трансформации, могут иногда принимать решения исходя из опыта, интуиции, то молодые специалисты в этом хаосе просто теряются.

С.К. – В среде столичных предпринимателей молодых специалистов с дипломом МВА называют «дятлами». Их держат в конторе, чтобы выставлять на передний край, когда приходят всякие инспекции, представители международных организаций и т.д. Они хорошо пишут отчеты, иногда даже – на приличном английском. Но в реальное дело их не пускают. В той онтологии, в которой она к нам импортирована, образованность чаще мешает...

– А мы-то надеялись, что хотя бы экспертное сообщество, наука смогут открыть власти глаза: вот что на самом деле происходит.

О.М. – Это возможно, наверное, только в идеальном мире. У нас и государство работает «не так», и наука – тоже «не так».

С.К. – Нет у нас науки. В СССР наука была элементом системы получения импортной информации. Были военно-промышленная комиссия, комитет по науке и технике, множество разведок, и наши ученые довольно часто получали от них данные в уже (или почти) готовом виде. Почему старшее поколение ученых плохо пользуется современными источниками информации? Потому что они привыкли получать ее в первом отделе под расписку. У меня есть воспоминания Красникова – резидента советской разведки, который курировал информацию по атомной бомбе. Там очень интересные наблюдения о советских физиках. Как они дрались за те пакеты, которые им давали, а потом получали сталинские премии и звания героев...

С общественными науками еще хуже. Если раньше ни одна статья не выходила без ссылки на Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, то теперь их заменили Т. Парсонс, Р.К. Мертон и другие. В той же самой логике – как на единственно верное учение – обязательно идет ссылка на авторитеты. Только авторитетов теперь побольше – не четыре, а несколько десятков.

О.М. – Здесь еще важен и спрос на научную экспертизу. Например, в части социально-экономических исследований складывается ощущение, что по всем госзаказам наука выдает примерно одни и те же отчеты, просто меняя дату на первой странице. И это всех устраивает. Вероятно, это одно из последствий той системы грантового финансирования, которая получила распространение в последние годы. По сути, чтобы получить грант, нужно быть не серьезным ученым с содержанием, а человеком, который может потратить много часов на заполнение длиннейшего, абсолютно бюрократического документа и затем выдать необходимое количество устраивающих заказчика результатов. Мне кажется, это приводит к негативному отсеву: действительно содержательные ученые просто уходят, потому что не хотят этим заниматься.

С.К. – Эти проблемы существуют не только у нас. Я считаю, что парадигма науки как института практически выработана. Наука сейчас воспроизводит самое себя, и то, что в публичном поле называется наукой, на самом деле – технология. За последние 50 лет, начиная с 1970-х годов, ничего радикально нового, меняющего картину мира, не произошло...

И снова о стране и государстве

– Возвращаясь к первоначальной теме разговора – ведь и с госуправлением проблемы не только у нас. Посмотреть на европейскую бюрократию – она ничем не лучше нашей. Такая же бессмысленная, лишённая информации и так же не способна видеть реальное положение дел. Может быть, и власть деградирует как институт?

О.М. – Я бы сказала, что все те упрощённые конструкции, через которые государство воспринимает реальность, изначально слишком ограничены. Если зона ответственности государства относительно невелика, все более-менее выравнивается без его вмешательства, но как только оно пытается централизованно отвечать за существенную часть экономики (а это сейчас происходит повсеместно), сбои в статистической обеспеченности, в информационной прозрачности становятся существенной помехой для всей системы. Поэтому так важно осознавать качество той информации, на которую вы опираетесь...

В научной среде это уже многие понимают, особенно в развитых странах. Ещё в 2007–2008 гг. группа экономистов под руководством Стиглица начала очень интересное исследование о том, почему понятие ВВП не имеет смысла при оценке качества жизни. Причина, по их мнению, в том, что это понятие разрабатывалось в 1930-х гг. совсем для других целей, и в управлении поначалу применялось очень аккуратно – все знали, что там есть целый пул методических ограничений. Точно так же и система статистики. Раньше профессионалы понимали, что это очень специальная информация, имеющая свои пределы репрезентативности. Но когда тот или иной концепт существует достаточно долго, все забывают, что когда-то были какие-то ограничения, что, условно, карта – не территория. И вот это в конечном итоге приводит к страшным управленческим ошибкам. На знаю, как на Западе, но наши власти, во всяком случае, этого не видят.

С.К. – У нас все рецепты сводятся к тому, чтобы кому-то (куда-то) дать денег или кого-то посадить. Эти методы уже не работают, но других у нашего государства нет.

– В одном из интервью вы говорили о том, что репрессии неплохо справляются с регулятивной функцией межсловных отношений.

С.К. – Да. В том смысле, что они регулируют процесс сбора ренты. В сословном обществе рента служит некоей связкой, своеобразной формой иерархизации: кто кому платит. Иногда это делается неформально – например, в виде взяток. Почему большинство автомобилистов без разговоров платят «гаишникам»? Потому что таким образом демонстрируется подчиненное положение сословия автовладельцев сословию людей с полосатой палочкой. Но есть и формализованные рентные отношения. Это процедуры разного рода лицензирования, аккредитации, разрешения, согласования... К примеру, программист написал программу, и чтобы ее продать, он должен получить на нее лицензию в фирме, ассоциированной с ФСБ, причем стоимость лицензирования иногда выше стоимости самой программы.

При этом в рентных отношениях есть специфическое понятие справедливости – нужно «брать по чину». Единственным способом обеспечения такой справедливости выступают репрессии. Когда репрессии достаточно жесткие, рента (откат) держится в разумных пределах (например, при Сталине – не выше 10%). Тогда большую часть ресурсов государство направляет на какие-то общенародные нужды, страна развивается. При Брежневев репрессий практически не стало, и «норма отката» выросла в разы, мы получили «застой». Сейчас откат доходит до 70%. Понятно, что в такой ситуации никакого экономического развития быть не может – все ресурсы уходят в откаты, попросту разворовываются.

– *То есть нужны «твердая рука», массовые посадки, и страна начнет развиваться?*

С.К. – В рамках сословной системы – да, нужно сажать. Причем сажать массово, эпизодические репрессии не помогут. Но проблема в том, что сейчас непонятно, кого сажать и за что, и неясно, чем сидящие будут заниматься. Это в своем роде экзистенциальный кризис власти – очень хочется навести порядок, но непонятно, кто будет жертвой наведения порядка и куда девать «опилки», которые при этом возникнут.

– *У вас как у исследователя есть какие-то предположения, во что всё это может вылиться?*

С.К. – Ничего кардинально не изменится. Мы же с вами говорили, что в сословной системе нет ни времени, ни развития. Будущее здесь представляется как воспроизведение хорошего

прошлого. Все различие между отдельными людьми и группами состоит в том, какое именно прошлое кажется им хорошим. Для одних это царская империя, для других – сталинские времена, для третьих – 1970-е гг... Вот сейчас появится единый учебник истории, который скажет, какое прошлое было хорошим. Значит, его и будем воспроизводить в настоящем, чтобы получить нормальное будущее. При таком подходе о развитии или прогрессе говорить не приходится, и смена команды тут ничего не изменит. Это вообще не подвергается никаким воздействиям извне и существует как единственно возможная ситуация. У вас есть какие-то ресурсы (власть, финансы, информация, сырьевая база, доступ «к трубе» и т.д.), и их нужно распределять.

– Но ресурсы же могут исчерпаться. Вы же сами в одном из интервью говорили о дефиците власти: «непонятно, к кому обратиться, чтобы решить проблему; все спрашивают: у кого сейчас власть? А ее нет»...

С.К. – Дефицит еще не означает, что ресурс исчерпывается. Ресурсов вообще всегда не хватает, это их основное свойство – иначе бы зачем все эти сложности с распределением? Но для того чтобы раскатать систему, чтобы начался какой-то перелом, как в 1991 г., нужно, чтобы синхронизировались сразу несколько дефицитов. Только вряд ли это приведет к смене парадигмы. Система в целом очень устойчивая. Каждый раз элиты адаптируются к новой реальности, и всё снова идет по кругу.

О.М. – И тем не менее внутри этой системы – не в государстве, а в стране – постоянно идет какое-то движение. Всё то, о чем мы говорили – централизация управления, нарастание хаоса, межведомственная неразбериха – всё это порождает некое пространство свободы и возможностей для обычных людей, позволяет им улучшить свой личный уровень жизни вне отношений с государством.

С.К. – Это, конечно, нельзя назвать прогрессом, скорее – идет выживание на более высоком уровне. Не физическое, а социальное, интеллектуальное выживание. Ведь в прессе когда-то была широкая дискуссия «Жизнь вдали от государства». Может быть, это и есть наша стезя.

Подготовила **Э. Ш. ВЕСЕЛОВА**, кор. «ЭКО»